

Зиси Вейцман

«Посадил человек яблоню...»

Помнится, уже в первом номере только начавшего выходить журнала "Советиш Геймланд" (июль-август 1961 г.) появилась статья педагога и критика Любы Черняк "У биробиджанских писателей", в которой, конечно, критики не было. Автор в мажорном тоне рассказывала о встречах с местными литераторами, писавшими на мамэ-лошн и уцелевшими в послевоенных "космополитских" чистках.

Их в Еврейской автономной области оставалось немного: Бузи Миллер, Гешл Рабинков, Сальвадор Боржес, Люба Вассерман (на снимке), Нохем Фридман, Ицик Бронфман (единственный из этого списка, кто не подвергся репрессиям). Разумеется, о том, что они прошли через жернова сталинской мясорубки, в статье не было сказано ни слова. Как и о тех, кто, как Бер (Дов-Бер) Слуцкий (1877-1955), сгинул в Александровском центре или вообще покинул Биробиджан, как Исроэл Эмиот (Гольдвассер), который в конце 50-х уехал в Польшу, а затем в США.

Об одном поэте, вернее, поэтессе Любе Вассерман, выделявшейся из этого списка не только тем, что являлась в нем единственной женщиной, но и сложной, интересной судьбой, я и хочу поведать читателям «МЗ».

*По городу тому тоскую я,
Где красками душа опьянена,
Где ширь вливается
В сердца людей и Б-га,
Где моря вздох из ночи в ночь
Песок смывает неумышленных грехов.
Там горы не застыт закатный солнца шар,
И видно, как оно катится плавно вдаль,
Пока не погрузится в бездну моря.
Ночь на излете в Тель-Авиве хороша,
Окутанная серой полутьмой.
Словно невеста в свадебном наряде,
Танцует море вечности свой танец.
Покоятся в прохладе ленты улиц,
Без гомона и без шагов спешащих.
Ладонями ловлю частички ночи
И, как молитву, тихо я шепчу:
"Красив ты, Тель-Авив, весенний город!".
(Пер. с идиш - Берл Кедем)*

Стихотворение "Тель-Авив" Люба Вассерман написала в 1929 году, в подмандатной Палестине - за тысячи километров от будущего Биробиджана, а в ту пору – маленькой таежной станции под названием Тихонькая.

В отличие от некоторых моих биробиджанских друзей-ровесников - Лени Школьника, Илюши Ревича, Марата Ратнера и даже степенного Романа Шойхета, который был намного старше всех нас, Любу Вассерман я никогда не называл "тетей Любой", а только по имени-отчеству - Любовь Шамовна. Хотя не представляю до сих пор, как в действительности звучало имя ее отца: Шамай, Шимэн, Шая? К слову, каких только имен не встретишь у нашего брата! В пору нашего знакомства ей шел 64-й год, но выглядела она уже старухой: сказались горечь утрат, разлука с близкими, кажущаяся бесконечной, как морозная степь северного Казахстана, где она пребывала в исправительно-трудовом лагере.

Автограф Любы в сборнике "горизонт", изданном в 1965 году в Москве. Биробиджан, 1971 год

Кажется, в мой первый или второй приезд в Биробиджан (это был 1971 год) в ее просторную, уютную квартиру в трехэтажном доме в Театральной переулке, где сейчас в ее честь установлена памятная доска, меня привел тогда Леонид Школьник, как бы между прочим заметив, что собирается переводить ее стихи. Он и впрямь, освоив идиш, стал их переводить, но это случилось позже, и даже выпустил в 1987 году в Хабаровском книжном издательстве сборник ее замечательных стихов со своим щемящим предисловием. В той книжке, которая называется "Благословляю жизнь", добрая половина стихов "тети Любы" - его переводы.

Стихов своих она в тот день нам не читала, лишь с восторгом рассказывала о муже, режиссере еврейского народного театра Мойше Бенгельсдорфе, бывшем актере биробиджанского ГОСЕТа, вынужденном после того, как Любу арестовали, пойти работать на швейную фабрику, о внучке Асеньке и сыне Серго, музыканте, проживавшем в солнечном, но далеком Кишиневе. Тогда же от нее я и узнал занимательную историю происхождения имени ее единственного сына, который появился на свет в 1937 году, akurat в то же календарное число, что и когда-то партийно-государственный деятель Серго Орджоникидзе. Любу пришли поздравить друзья и знакомые, и Эмка Казакевич, еврейский поэт и хохмач, не знавший, куда приложить руки и работавший тогда в "Биробиджанер штерн", предложил наречь новорожденного в честь грузинского, пусть и

дворянских кровей, но зато по-прежнему пламенного большевика, хоть и покойного. Народа в больнице, чтобы поздравить роженицу, собралось тогда много и разного, на календаре - 37-й год, и, разумеется, предложение Эмки было принято. "А что Моисей Абрамович?" - спросил я у Любы, широко улыбаясь, имея в виду ее мужа. "А что Мойше? Мойше - ничего, - засмеялась Любовь Шамова. - Поартачился немного и согласился".

Родилась Люба Васерман 5 декабря 1907 года в бедной, религиозной семье, в которой к семи годам получила традиционное образование, в местечке Славутич, раскинувшемся на берегу Буга, в Седлецкой губернии, что на востоке Царства Польского, входившего в ту пору в состав Российской империи. Проживало тогда в Седлецкой губернии почти 800 тысяч разноплеменного народа, в основном, поляков, украинцев, русских, но из всего населения губернии 120 тысяч были евреи, говорили они на идише, и потому свой главный город называли несколько иначе - Шедлиц. Ныне все эти веси, в которых евреев уже днем с огнем не сыщешь, относятся к Мазовецкому воеводству Польши.

Ввиду тяжелого материального положения семьи Люба с ранних лет вынуждена была покинуть отчий дом и уехать к старшему брату в Луков, а затем в местечко Малорита (сейчас это город в Брестской области Белоруссии), пойти в услужение к богатым людям и заниматься у них тяжелой домашней работой, зарабатывая тем самым себе на жизнь. С помощью поэта Мойше Зубермана, сгинувшего в годы войны в гетто, как и многие жители тех мест, выучилась грамоте, написала первое стихотворение, которое одобрил наставник.

В 1925 году, поддавшись сионистским настроениям некоторой части тогдашней еврейской молодежи (да и от бедности подальше), Люба приехала в Эрец Исраэль. Не чуралась любой работы: трудилась в кибуце, на строительстве дорог, санитаркой в иерусалимской больнице. Здесь же она примкнула к левому рабочему движению, состояла в иерусалимском комитете МОПРа (международной организации помощи революции), за что неоднократно подвергалась преследованиям властей, включая непродолжительные задержания и аресты. Начав писать стихи еще в 15 лет, Люба дебютировала в 1931 году стихотворениями "Иерусалим" и "Пейзаж" в тель-авивском сборнике "Май", редактором и составителем которого был Авром Блай - писатель, сражавшийся с 1918 года против турецкого владычества в Палестине в составе Еврейского легиона, воинском соединении в составе британской армии. Публиковала стихи и рассказы в тель-авивских изданиях "Онһэйб" ("Начало"), "Ани" ("Я"), в нью-йоркских "Най-лэбн" ("Новая жизнь"), "Американэр фройен-журнал" ("Американский женский журнал"), "Идишер журнал" (Торонто), "Дэр шпигл" ("Зеркало"), "Ди пресэ" - Буэнос-Айрес, "Литерарише блэтэр" ("Литературные листы") - Варшава и др. В 1931 году в Тель-Авиве издана ее первая, всего на тридцать две странички, но выстраданная книжка стихов "Фарнахтн" ("Вечера"), предисловие к которой написал все тот же Авром Блай, живший к тому времени уже в Америке.

В конце 1931 года по рекомендации ЦК Палестинского МОПРа Люба Васерман выехала в Советский Союз. Здесь она впервые в жизни села за парту московского рабфака. В столичном рабфаке Люба училась вместе с приехавшим из Аргентины артистом Мойше Бенгельсдорфом. В Биробиджан в 1934 году они уже отправились вдвоем. На новом месте, учитывая членство в МОПРе, Любу приняли на работу в качестве секретаря городского, а затем и областного суда. Муж, Мойше Бенгельсдорф, играл в спектаклях биробиджанского ГОСЕТа, организатором и директором которого в начале 30-х был Эммануил Казакевич. С созданием в области представительства Центрального совета ОЗЕТа (Общества по землеустройству еврейских трудящихся), задача которого была "аграризировать" шолом-алейхемовских персонажей - "людей воздуха" вроде Пини Копмана, "короля подтяжек", которого блестяще сыграл госетовский актер Биньомин Зускин в фильме "Искатели счастья". Кстати, о деятельности ОЗЕТа еще в 1927 году

режиссер Абрам Роом по сценарию В. Маяковского снял пропагандистский фильм "Евреи на земле". Кинокартина была, конечно, немой, но говорила о многом.

До самого закрытия ОЗЕТа в июне 1938 года Люба работала его секретарем. Через ее руки прошли тысячи документов переселенцев, прибывших добровольно строить свой дом на дальневосточной земле. Ей ли было не знать, что к торжественной дате, 7 мая 1934 года, когда Постановлением ВЦИК Биробиджанский национальный район, основанный в 1930 году, получил статус Еврейской автономной области (ЕАО), из 20 тысяч тысяч переселенцев лишь 7 тысяч остались на территории области? Наивная мечтательница, она, как и многие, поверила сталинской пропаганде...

Биробиджан. Мемориальная доска в Театральном переулке

Любе полюбилась суровая, буйная дальневосточная природа, в корне отличающаяся от средиземноморского покоя. Ей казалось, что и среди этой буйной природы и непонятной во многом жизни можно обрести чувство дома. Ведь дом для нее, как для любой женщины, - это, прежде всего, семья - родные, близкие люди. Поэтому в ее поэзии и прозе, о чем бы она ни писала, звучат такие теплые, добрые, домашние нотки.

Как-то Люба прознала, что в Биробиджане живет девочка Аня Скрибовская, которая в своей тесной квартире открыла "филиал" областной детской библиотеки - точнее, читальный зал. Набрав книг в самой библиотеке, находившейся в центре города, Аня отвозила их на санках к себе домой, на городскую окраину. Обитавшая в соседних дворах детвора приходила к девочке и читала эти книжки. Люба об этой школьнице сделала зарисовку в газете "Биробиджанер штерн", сообщив также, что в доме нет света. На следующий день после этой публикации к школьнице пришли электромонтеры и провели в дом электричество от ближайшей станции.

Люба активно включилась в литературную жизнь области, вновь обретенного, как ей казалось, того жизненного пространства, пусть и таежного, в котором приютился ее новый дом. Не зря же в языке идиш слову "һэйм" придается более широкое понятие: дом, родина. В альманахе "Форпост" и газете "Биробиджанер штерн" Люба Вассерман публиковала стихи, рассказы и очерки, работала редактором еврейского вещания областного радио. Конечно же, поддерживала творческие связи с местными прозаиками и поэтами, которых я упомянул в начале этих заметок. С теплотой она вспоминала друзей своей молодости, собратьев по перу, погибших на войне, - поэтах Бузи Олевском, Ароне Гофштейне, Владимире Шульмане, Генрихе Койфмане...

1949 год. Первым по так называемому делу "буржуазных националистов" взяли редактора "Биробиджанер штерн" Бузи Миллера. Он, как говорится, "сам пришел". Верней, приехал из Биробиджана в Хабаровск, чтобы узнать о своей судьбе, так как из партии его исключили, с должности редактора сняли, и он просто оставался не у дел, без возможности где-либо устроиться на работу. Ему инкриминировали не просто публикацию в газете националистических материалов, но и участие в "преступной группе лиц". У входа в "контору", прямо на ступенях, Миллера и арестовали. В "преступную группу", как он от них узнал, входили поэт Исроэл Эмиот, писатели Гешл Рабинков и Бер Слуцкий, ведущий артист биробиджанского ГОСЕТа Файвиш Аронес, поэтесса Любовь Вассерман и - внимание! - начальник службы снабжения мебельной фабрики им. Димитрова Семен Синявский-Синделевич. Каждый проходил по персональному делу, но "конторщики", чтобы долго не маяться, решили все "дела" объединить в одно "дело № 68". Особое совещание МГБ приговорило каждого к десяти годам лагерей. Бедной Любе Вассерман вlepили еще и за "сионизм". А как же: родом из Польши, кишмя кишасей еврейми, жила в Палестине среди евреев, знает иврит, приехала в Биробиджан, чтобы опять строить "новый дом" - опять же для евреев.

...Мое любимое стихотворение, принадлежащее Любе Вассерман, состоит из нескольких строф, написанных в простом, неприязательном стиле - так, как она пишет всегда, но словами, хватающими за сердце. Называется это стихотворение "Яблоня". Поскольку оно совсем невелико по объему, позволю себе привести его полностью:

Посадил человек яблоню.

Было это давно.

Запах ее цветенья

сладок, словно вино.

Человек воевал с тайгой.

песни об этом пел.

Там, где он жил в палатке,

Скверик зазеленел.

Но человек однажды

умер - жизнь такова.

Сдали в музей палатку,

А память о нем жива.

Каждой весной, как яблоня,

она зацветает там,

где вырос в глуши таежной

город Биробиджан.

(Пер. Л. Школьник).

В 1975 году, Люба Вассерман, перебравшаяся к тому времени к сыну в Кишинев, умерла. Там на могильном памятнике выгравированы по-еврейски ее стихотворные строчки: "Биробиджан из майн һэйм, Биробиджан - майн гевисн" - "Биробиджан - мой дом, Биробиджан - моя совесть...".